

СВЯТОЙ
ЦАРЕВИЧ
ИОАКИМ
ИНДИЙСКИЙ

Одобрено Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Москва 2003

Приход храма Святого Духа сошествия

ТРОПАРЬ И КОНДАК ПРЕП. ВАРЛААМУ И ИОАСАФУ

ТРОПАРЬ, ГЛ. 4

От духовного наставника научився, царю Иоасафе, Бога познати: крещением же просветився, люди к вере обратил еси, и отцу твоему от купели приемник быв, царство оставив, пустыню достигл еси, и в ней трудолюбне подвизался еси; моли Христа Бога со учителем твоим Варлаамом спастися душам нашим.

КОНДАК, ГЛ. 8

Редый твое из младенства благое изволение, Иоасафе, един сердцеведец Бог, ибо от царствия земного в монашеское пребывание приведый тя, великому Варлааму последовати сподоби; с нимже и ныне Горний Иерусалим всесветлый отечество имея, желаемя доброты красно наслаждая Святые Троицы, молим тя, царская красото, поминай нас, верою чтущия тя.

СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНЫХ ВАРЛААМА И ИОАСАФА ЦАРЕВИЧА*

(память 19 ноября/2 декабря)

РОЖДЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ИОАСАФА

Р Индии, стране, природа которой роскошна и разнообразна, жил царь по имени Авенир. Славный могуществом и земным богатством, он был объят душевной нищетой, потому что поклонялся идолам и гнал Церковь Христову, а более всего — церковных учителей, священников и иноков.

Некоторые из его вельмож уверовали во Христа и,

* Составлено по Минеям—Четым свт. Димитрия Ростовского и по книге: “Сказание о жизни святых отцов наших Варлаама и Иоасафа” св. Иоанна Дамаскина, изданной на греческом языке на основании пергаментных рукописей, хранимых на Священной Горе (т.е. Афоне). Рус. пер., изд. 2, Одесса, 1899, стр. 1—234.

уразумев суету мира сего, расстались с земными желаниями и посвятили себя иноческой жизни. Это возбудило страшный гнев царя. По его приказанию было схвачено и убито множество иноков, и по всей стране христиан принуждали к идолопоклонству. Царь разослал свои грамоты и по всем подвластным ему землям, ко всем властелинам и князьям, чтобы они предавали мукам и различными казнями истребляли всех верующих во Христа и не соглашающихся приносить жертвы языческим богам.

Тогда многие из верных поколебались в своих убеждениях, некоторые не могли вынести мук и отрекались от истинной веры, другие же сами отдавали себя на муки и страдания за Господа своего, полагая за Него души. Большая часть верующих из страха скрывала свое благочестие и тайно служила Богу, соблюдая Его свя-

тые заповеди. Иные бежали в пустыни, там же скрывались и блуждали в горах иноки, живя в Боге.

В это время родился у царя Авенира сын, царевич Иоасаф. Младенец был прекрасен. Его необычайная телесная красота предзнаменовала будущую красоту его души.

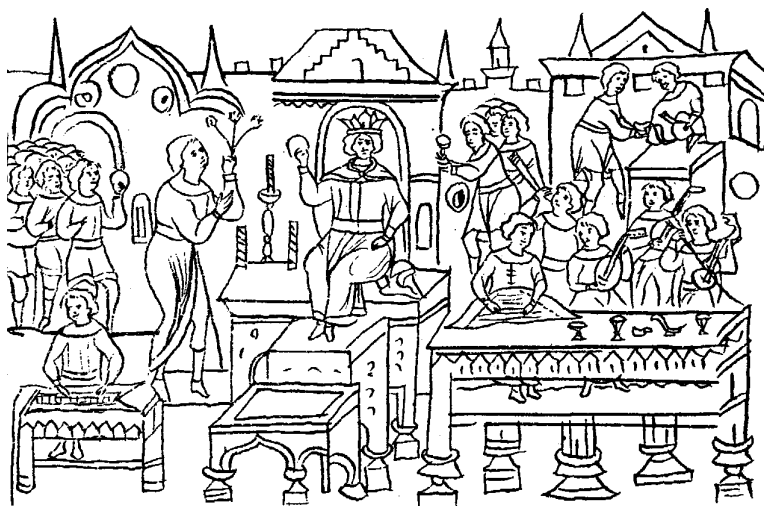
Царь созвал многих мудрецов и астрологов и стал спрашивать их, что будет с его ребенком, когда он вырастет? Они долго глядели на младенца, думали и рассуждали между собой и наконец сказали, что

он будет больше всех прежних царей. Однако самый ученый из них произнес: “Преуспеяние родившегося младенца будет не в твоём царстве, но в несравненно большем и лучшем. Думаю, что он примет гонимую тобой христианскую веру, и надеюсь, что неложно это мое пророчество”.

Царь, услышав, что сын его будет христианином, сильно опечалился и стал думать о том, как сделать, чтобы это пророчество не исполнилось. И вот что он придумал.

Он выстроил отдельный дворец, прекрасный и гармоничный по архитектуре, блиставший роскошью и богатством. Здесь было множество чертогов, в которых струился свет, проходя через высокие, легкие окна. В этом дворце он поселил своего ребенка. Когда Иоасаф подрос и достиг сознательного возраста, отец приставил к нему воспитателей и слуг, юных и прекрасных. Царь велел им не допускать к нему никого из чужих и посторонних, чтобы он не мог видеть никого, кроме них.

И еще он завещал им, чтобы они не сообщали царевичу ни о чем печальном: ни о смерти, ни о старости, ни о болезни и ни о каких страданиях, которые могли бы остановить и отравить веселье Иоасафа. Слуги должны были представлять ему все прекрасное, светлое и радостное, чтобы ум его, поглощенный и наслаждающийся всем отрадным, не думал о будущем. Если с кем-нибудь из служащих царевичу приключалась болезнь, царь приказывал скорее удалить больного из чертогов своего сына и заменять его другим, юным и красивым. Он хотел, чтобы глаза царевича не видели ничего печального.

Царь приказал, чтобы никто не смел говорить Иоасафу ни одного слова о Христе. Этого он опасался больше всего, боясь исполнения предсказания своего астролога.

Узнав, что в его стране еще остались некоторые иноки, тогда как он думал, что и след их уже исчез, царь загорелся гневом и быстро разослал гонцов по всем городам с приказанием, чтобы по истечении

трех дней ни одного инока не было в его владениях. “А если и по прошествии назначенного срока они не уйдут, то пусть будут преданы смерти огнем и мечом, ибо они учат людей почитать распятого Бога”.

Между тем сын царя никуда не выходил из устроенного для него дворца и окружающих его садов. По приказанию безгранично любящего его отца все сокровища благ земных привозили во дворец к Иоасафу.

«КАК ИЗБЕЖАТЬ СМЕРТИ»

Достигнув юношеского возраста, царевич великолепно знал творения индийских мудрецов. Он был умен, талантлив и украшен всеми прекрасными качествами. Он часто думал о том, почему отец держит его взаперти и не велит выходить, и спросил об этом одного из своих воспитателей. Тот, зная, что юноша очень умен и добр, рассказал ему подробно о предсказании астрологов, о том, как его отец поднял гонение на христиан, и прежде всего на иноков, и многих убил, прочих же изгнал из своей страны. “Твой отец,— сказал воспитатель,— боялся, что ты сделаешься христианином”.

Услышав все это, царевич замолчал и погрузился в глубокую думу.

Авенир часто приходил к нему. Однажды сын сказал царю:

— Отец, я хочу узнать от тебя нечто, о чем всегда печалюсь и скорблю.

Мучительная боль пронзила сердце отца при этих словах. И он ответил:

— Скажи мне, любимое дитя, какая печаль тревожит тебя, и я скоро постараюсь обратить ее в радость.

— Какова причина моего затвора? — спросил царевич.— Почему ты хранишь меня за стенами и воротами, не разрешая выходить отсюда? Почему сделал меня невидимым для людей?

— Я не хочу, дитя,— отвечал отец,— чтобы ты видел нечто, что может оскорбить твое сердце и отнять веселие твое. Я желаю, чтобы ты, свет очей моих, жил в непрестанной отраде и бессменной радости.

— Знай, отец,— сказал сын,— что этот затвор не радость и веселие, но скорбь и печаль приносит мне, и такую сильную, что даже самая пища и питье кажутся мне горькими. Я пламенно хочу видеть все, что находится за стенами, которые стерегут меня. Если не хочешь, отец, чтобы я умер от скорби, то разреши мне выходить всюду, куда я задумаю. Дай моей душе насладиться созерцанием того, чего я не видел доселе.

Царь, слыша это, молчал, подавленный печалью, и думал о том, что если запретит выходить сыну, то подвергнет его еще большей скорби. Наконец он сказал Иоасафу:

— Дитя мое, пусть будет по твоему желанию.— И тотчас велел привести к крыльцу дворца лучших коней. Глядя на царевича с невыразимой любовью, он грустно произнес:

— Выходи, сын мой, иди, куда хочешь, я больше не буду препятствовать тебе.

Царь приказал слугам устроить все так, чтобы царевичу не встрети-

лось по пути ничего безобразного и печального.

— Пусть очи любимого сына моего видят только то, что веселит сердце! Показывайте ему только одно приятное, светлое и прекрасное. Представляйте царевичу отрадные и разно-

образные зрелища, чтобы ум его наслаждался, но не обременялся печальными мыслями.

Желая, чтобы сын видел только счастье, царь велел, чтобы в пути хоры пели жизнерадостные гимны и впереди его гармонично и сладостно лились звуки музыки, исполняемой на разных инструментах.

Часто выходил царевич Иоасаф, окруженный пышностью и торжественностью. Он ездил далеко со своей свитой и встречал везде только одно прекрасное.

Но однажды слуги Иоасафа забыли устранить с его пути скорбное зрелище, и он увидел прокаженного и слепого. “Кто это такие?”— спросил он с удивлением. Недоумение и грусть отразились в его прекрасных глазах.

Присутствующие не могли утаить от царевича немощи человеческой и, вспомнив о наказе царя, со страхом сказали:

— Это олицетворение страданий, которые происходят с людьми от тленного вещества телесного организма.

— Со всеми ли людьми приключаются страдания?

— Не со всеми,— отвечали они,— но с теми, у кого состояние здоровья изменится к худшему.

— Если не все люди подвергаются страданию,— опять спросил царевич,— но только некоторые, то знают ли они заранее, что их постигнут такие ужасы, или это происходит внезапно и неведомо для них?

— Кто из людей может знать свое будущее,— сказали они,— и кто может безошибочно судить о нем?

Тогда царевич перестал расспрашивать. Сердца его в первый раз коснулась горечь и боль, и изменилось лицо его.

Спустя немного дней он опять встретил на пути удрученного многими годами старика, со сморщенным лицом, с расслабленными коленями, согбенного, совершенно седого, беззубого, что мешало ему ясно говорить. Ужас охватил царевича. Он велел подвести к себе старика и стал расспрашивать его о причине необычайной наружности.

— Он живет уже много лет,— сказали воспитатели Иоасафу,— силы его постепенно уменьшаются,

члены ослабели, и ты видишь, до какого недуга дошел он теперь.

— А какой конец всему этому?— спросил юноша.

— Не что иное, как смерть, завершит все это,— отвечали спутники.

— Всем ли людям предстоит это,— опять спросил царевич,— или тоже только некоторым?

— Всем, без сомнения, если только преждевременная смерть не избавит кого-нибудь от подобных недугов, так как невозможно с течением лет не дойти до такого положения.

— В какие лета бывает это,— спросил юноша,— и нет ли средств избежать смерти и не дойти до такого недуга?

— В возрасте восьмидесяти или ста лет люди умирают,— отвечали ему.— А иначе невозможно: смерть — это необходимость для человека, и приход ее неизбежен.

После всего виденного и слышанного благоразумный юноша зарыдал:

— Если все это так, то горька жизнь земная и полна всякой скорби и печали. И как кто-либо может быть беспечным, если он всегда находится в ожидании смерти, которая не только неизбежна, но и приходит неожиданно, как вы сказали.

Когда они возвратились во дворец, царевич ушел в свою палату и погрузился в сильную печаль. С этих пор его постоянно видели унылым. Он говорил самому себе: “Если все умирают, то умру и я. Когда же смерть похитит меня, кто будет вспоминать обо мне? Время все предает забвению. После смерти я бесследно исчезну, или есть какая-нибудь другая жизнь и другой мир?”

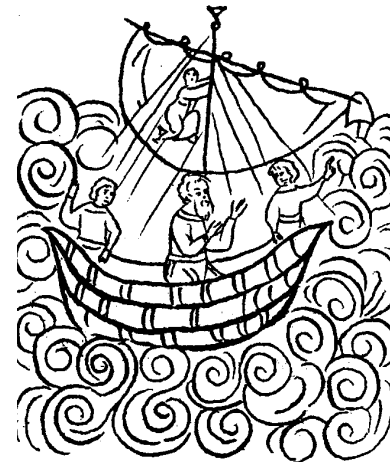
Царевич мучился подобными мыслями, однако ничего не говорил своему отцу. Он начал бледнеть и худеть, но при отце притворялся веселым. Он пылал нестерпимым желанием встретить кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить стремлениям его души, и услышать от кого-нибудь новое слово о том, что так интересовало его.

Поэтому он опять стал расспрашивать упомянутого воспитателя, не знает ли он кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить и успокоить его ум, блуждающий в размышлениях и постоянно занятый мыслями об этом. Воспитатель сказал ему: “Я тебе уже говорил, что мудрых наставников, постоянно рассуждающих о том, что ты желаешь узнать, отец твой велел или убить, или неумолимо преследовать, так что теперь я не знаю никого из них, кто бы жил в окрестности”.

Сын царя исполнился гнева и очень огорчился в душе. Он жил в постоянной печали. С тех пор все наслаждения и утехи мира стали в глазах его какой-то нечистотой и мерзостью.

Но Бог, *желающий всем спастись и достичь познания истины* (1 Тим. 2, 4), наставил юношу на новый

путь. Иоасаф стремился обрести сокровище для своей души,— это увидело Всевидящее Око и озарило его светом животворным.

Благая весть

Рто время жил один инок, совершенный в добродетели, мудрый, отличавшийся красноречием и прошедший весь путь подвижнической жизни. Имя его было Варлаам. Он был священник и жил в стране Сенаарской. Узнав, по Божественному откровению, о сыне царя, он вышел из пустыни, переменил свои одежды, сел на корабль и отправился в Индию.

Выдав себя за купца, он пришел в город, где находился дворец Иоасафа. В этом городе он провел несколько дней, разведывая все о царском сыне и его приближенных. Узнав, что упомянутый воспитатель ближе всех стоит к царевичу, Варлаам устроил свидание с ним и, когда они были одни, сказал ему:

— Я хочу объявить тебе, мой господин, что я купец и пришел из дальних стран. У меня есть один драгоценный камень, подобного которому еще никогда не находили. Я до сих пор никому еще не показывал его, тебе же я говорю о нем потому, что вижу в тебе человека умного и смышленного, который может привести меня к царскому сыну, чтобы я мог преподнести ему

— Я хочу объявить тебе, мой господин, что я купец и пришел из дальних стран. У меня есть один драгоценный камень, подобного которому еще никогда не находили. Я до сих пор никому еще не показывал его, тебе же я говорю о нем потому, что вижу в тебе человека умного и смышленного, который может привести меня к царскому сыну, чтобы я мог преподнести ему

свой камень. Цены этому камню никто не может установить: он несравненно выше всего прекрасного. Он может слепых одарить светом мудрости и глухим открыть уши, немым дать голос и больных исцелить. Неразумных он делает мудрыми, злых духов изгоняет, возвращает ум безумному и дает все прекрасное тем, кто приобрел его.

— Я вижу, что у тебя зрелый ум,— отвечал педагог,— но твои слова мне кажутся чрезмерно хвастливыми: я не могу пересчитать всех драгоценных камней, которые мне приходилось видеть, но не видел и не слышал о камнях, имеющих такую силу, какую ты приписываешь своему. Все-таки покажи мне его, и если сказанное тобою справедливо, то я сейчас же отнесу его царевичу, и ты получишь от него очень много подарков и почестей.

— Ты говоришь правду,— сказал ему на это Варлаам,— что никогда не видел и не слышал о камне такой силы и действия, потому что речь идет не об обыкновенном предмете, но об удивительном и великом. Однако поверь моим словам, я не хваюсь,— и ты воочию убедишься в том, что старался увидеть.

Этот драгоценный камень, кроме упомянутой силы и действия, имеет еще одно свойство: его не может видеть тот, кто не имеет хорошего, здорового зрения и чистого, ничем не запятнанного тела. Если такой человек внезапно взглянет на него, то непременно ли-

шится зрения и ума, которые имеет. Я же, будучи сведущ во врачебном искусстве, вижу, что твои глаза нездоровы; поэтому боюсь показать тебе камень, чтобы ты не потерял и то зрение, которое у тебя есть. Относительно же царского сына я слышал, что зрение у него здоровое и жизнь его чиста, почему я и хочу показать ему это сокровище.

Ты же не лишай своего господина такой покупки.

— Если это так, то не показывай мне камня,— отвечал ему педагог,— моя жизнь запятнана многими проступками. Кроме того, и глаза мои, как сказал ты, нездоровы. Тем не менее я верю словам твоим и не замедлю доложить об этом царевичу.

Придя в палату к Иоасафу, педагог подробно рассказал ему все. Царевич, выслушав его, почувствовал в своем сердце радость и велел поскорее вести к себе этого купца. Варлаам вошел к царевичу, поклонился ему и приветствовал его мудрыми и сладостными словами.

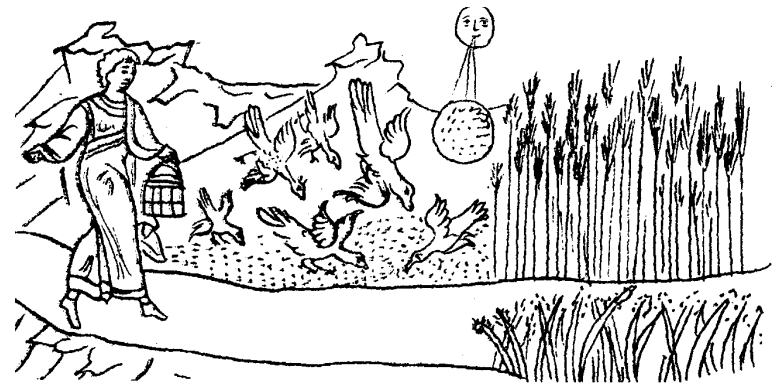
Когда воспитатель вышел, царевич сказал старцу:

— Покажи мне этот драгоценный камень, о котором ты рассказывал моему воспитателю что-то необыкновенное и удивительное.

— Все, доложенное тебе обо мне,— начал Варлаам,— истинно и несомненно. Несправедливо было бы, чтобы я говорил ложь перед твоим величеством. Но если я не буду убежден в твоей рассудительности, то не могу открыть тебе тайны, потому что говорит Господь, Владыка мой: *Вышел сеятель сеять. И когда сеял он, иное зерно упало при дороге, и налетели птицы и поклевали, иное упало на каменистые места, где немного было земли, и тотчас взошло, потому что не глубока была земля; когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в тернии, и выросло терние и заглушило его; иное же упало на добрую землю и принесло плод во сто крат* (Мф. 13, 3–8).

Поэтому, если твое сердце окажется плодородной землей, то я не поколеблюсь насадить в тебе божественное семя и открыть великую тайну. Если же твое сердце представляет собой каменистую или тернистую землю, или путь, который всякий желающий может топтать, то лучше совсем не насаждать в нем божественного семени, не бросать его на расхищение птицам и зверям.

Но я надеюсь на лучшее, надеюсь, что ты достоин принять спасение. Поэтому ты увидишь и этот бесценный камень и, благодаря его блеску, также сделаешься светлым и принесешь стократные плоды.

Ради тебя я предпринял это дело и совершил длинный путь для того, чтобы показать тебе то, чего ты никогда не видел, и научить тому, чего ты не слышал.

— Я, почтенный старец,— сказал ему Иоасаф,— горю неудержимым желанием услышать какое-нибудь новое и хорошее слово. В моем сердце пылает огонь, который меня жжет,— мне так хочется разрешить все мои сомнения. До сих пор я не встречал ни одного человека, который мог бы сказать мне спасительное слово. Но если бы я встретил такого человека, то его слово не было бы подобно семени, упавшему на каменистую и тернистую почву и расхищенному птицами. Я с радостью принял бы его и сохранил бы в сердце моем. Если ты знаешь что-нибудь, то не скрывай от меня, но возвести. Как только я услышал, что ты пришел из дальней страны, радостное чувство и надежда появились в моей душе,— надежда, что я буду иметь возможность узнать от тебя то, что хотел. Поэтому я велел привести тебя ко мне и ласково принял, как

какого-нибудь близкого или сверстника, надеясь, что я не ошибусь в ожидании.

Тогда Варлаам начал говорить ему о едином Боге, Который все сотворил, и обо всем, что совершилось от начала мира: о преступлении Адама и изгнании его из рая, о праотцах и пророках. Затем он говорил ему о воплощении Сына Божия от Пречистой Девы, о вольном Его страдании и Воскресении, о Святой Троице, о Крещении, о дарах Духа Святого и о всех тайнах святой веры.

После его долгих слов, украшенных мудростью и благим желанием, царевич понял, что этот бесценный камень есть Христос Спаситель. Он был поражен и в избытке радости поднялся с трона своего, обнял старца и сказал ему:

— Честнейший из людей! Этот бесценный камень, который ты держишь в тайне, не показывая его каждому желающему, поддерживает бодрость душевных сил, потому что, как только я услышал твои слова,

благодатный свет проник в мое сердце и спало с моей души то тяжелое покрывало, которое уже долгое время тяготило мои мысли. Справедливо ли мое предположение? Если же ты можешь сказать что-нибудь лучше сказанного, то скажи.

Варлаам поведал ему о доброй и злой смерти и об общем воскресении, о жизни вечной, о воздаянии праведных и о муке грешных. Он привел царевича в умиление и сокрушение сердца, и тот долго плакал. Он также говорил Иоасафу о суете и непостоянстве мира, и об отвержении его, и об иноческой и пустынной жизни.

— Подвижники,— говорил Варлаам,— из любви к Богу оставили все. Некоторые из них, живя под открытым небом, терпели зной, дожди, свирепую стужу, бури и ветра; другие жили в пещерах или же земных расщелинах.

— Как ты живешь в пустыне, и другие с тобою?— спросил царевич.— Откуда берешь одежду? Какая у тебя пища?

— Мы питаемся,— отвечал Варлаам,— плодами и травой, растущей в пустыне. Если же кто из верных принесет нам немного хлеба, то мы видим в этом промыслиение Божие. Одежда наша сшита из козих шкур, она ветха, и одна для зимы и лета. Эта же одежда, которую ты сейчас видишь на мне, не моя, но я взял ее у одного мирянина, чтобы не узнали, что я инок.

Иоасаф стал умолять старца показать ему обычное иноческое одеяние. Варлаам исполнил его желание, скинул с себя богатый плащ, и царевич увидел страшное для него зрелище: тело старца казалось иссохшим и темным от солнечного зноя и

было покрыто изорванной власяницей.

Царевич удивился такому терпению и сказал, что и он бы желал вести такую дивную жизнь.

— Не желай этого теперь,— отвечал Варлаам,— чтобы отец твой не истребил до конца иноков, но прими Крещение и останься здесь.

Желая смягчить горечь отказа, старец, по обычаю восточных народов, украсил свою речь притчей и так объяснил царевичу свое решение: “У одного богача была молодая газель. Когда она подросла, то, влекомая природой, затосковала по пустыне. Выйдя однажды из своего двора, она увидела стадо пасущихся газелей и, примкнув к ним, бродила с ними по полям и равнинам, а к вечеру возвратилась домой. На рассвете, по небрежности слуг, она опять выходила и примыкала к своему стаду. Когда другие газели убежали, то и она убежала вместе с ними. Но однажды слуги, заметив ее исчезновение, сели на лошадей и погнались за ней. Догнав стадо, они возвратили свою газель домой и впредь держали ее взаперти; остальных же газелей они или убили, или ранили.

Я боюсь, как бы того же самого не было с нами, если ты присоединишься к нам, и результатом этого может быть то, что и мы с тобой навсегда должны будем расстаться, и своим я причиню много зла,— продолжал Варлаам.— Но вот что Господь повелевает делать тебе: приняв святое Крещение, ты пока оставайся на месте, поступая по всем правилам благочестия и исполняя заповеди Христа.

Когда же Податель всех благ даст тебе удобный случай, ты придешь к нам, и впредь, всю оставшуюся жизнь, мы будем жить вместе. Я возлагаю надежду свою на Господа в том, что в будущей жизни мы будем неразлучны”.

Услышав это, Иоасаф заплакал и сказал старцу: “Если так угодно Господу, да исполнится воля Его. Поэтому заключи свое благое дело святым Крещением надо мною и возвратись с миром на место своих подвигов. Но не переставай молиться за меня, чтобы надежда не оставляла меня и чтобы я мог как можно скорее прийти к тебе и при глубоком спокойствии наслаждаться твоим душеполезным обществом”.

На это Варлаам отвечал: “Для совершения над тобою святого Крещения нет никакого препятствия. Старайся впредь быть постоянно готовым предстать на Страшный Суд и с Божией помощью ты усовершенствуешься”.

СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ И ПРОЩАНИЕ С ВАРЛААМОМ

Наставив таким образом своими спасительными словами царского сына в истине и склонив его к божественному Крещению, старец заповедал ему молитвы и пост и в течение нескольких дней постоянно навещал его, подробно уча догматам православной веры, объясняя св. Евангелие, апостольские послания, а также изречения пророков. Ибо он был сведущ в Священном Писании как Ветхого, так и Нового Завета, и знал их наизусть. И просвещаемый Духом Святым, он преподал Иоасафу истинное богопознание.

Научив царевича Символу веры, изложенному на Никейском соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа, погрузив его в купель с водой, находящуюся в его саду.

И снизошли на крещеного дары Святого Духа.

Совершив после этого бескровное священное Жертвоприношение, старец преподал ему Святые Тайны Христовы. И возрадовался царевич духом, прославляя Христа, Бога нашего.

После этого Варлаам сказал: “Да будет хвалим Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, утвердивший тебя через Духа Святого в надежде на жизнь в бессмертном, вечном, святом наследии. Сегодня тебе отпущены сотворенные тобою прегрешения, ты стал рабом Божиим, получил залог для вечной жизни. Оставив мрак, ты облекся в свет, получил славное право именоваться чадом Божиим.

Евангелист Иоанн говорит: *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими (Ин. 1, 12).* А апостол говорит: *Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то*

и наследник Божий через Иисуса Христа в Духе Святом (Гал. 4, 7).

Поэтому старайся предстать пред Ним чистым и безупречным, творя добрые дела, чтобы положить их в основание веры, как я тебе и раньше сказал. Для этого отбрось от себя всякое зло и возненавидь все, что ты совершал прежде, под влиянием обмана и страстей. Но старайся, подобно новорожденному, питаться молоком разума, истины и добродетелей, чтобы возвеселиться и преуспевать в познании заповедей Сына Божия.

Как ты предстал пред Истинным Живым Богом, так и живи — как сын света. Порабощенные злом неразрывно связаны с ним. Ты же, освобожденный на будущее время от его власти по милосердию Божию, удостоенный быть носителем имени Христа по милости Духа Святого, обратись всецело к Господу и не открывая более дверей страстям. Но, украсив свою душу благоуханием и блеском добродетелей, сделай ее храмом Пресвятой Троицы, освятив для созерцания Ее все свои духовные силы”.

Дав царскому сыну такие нравственные назидания, благочестивый старец возвратился в свое временное жилище. Воспитатели же и слуги юноши удивлялись его частым посещениям, и главный из них, по имени Зардан, которого царь знал как

очень верного и преданного человека, сказал Иоасафу: “Ты не ведаешь, мой господин, как я верен твоему отцу и как благоговею перед ним. Зная это, твой отец и назначил меня слугою к тебе. Я опасаясь, что этот старик, который так часто приходит к тебе, христианин, а к христианам так нерасположен твой отец. Поэтому я боюсь, как бы царь, узнав об этом, не подверг меня казни. Так что ты или извести своего отца о посещениях этого старика, или прекрати их. Если же не сделаешь ни того, ни другого, то удали меня и потребуй у своего отца другого слугу на мое место”.

Услышав это, царский сын сказал Зардану: “Во время следующего посещения старика скройся за занавесью и послушай его беседы со мной. После этого я тебе скажу, как поступить”.

Итак, когда должен был прийти Варлаам, царевич спрятал Зардана и попросил старца: “Сведи мне, учитель, все твое божественное учение в одно, чтобы оно прочнее утвердилось в сердце моем”.

Тогда Варлаам начал говорить о Боге, о благочестии по отношению к Нему, о том, что Его одного следует любить всем сердцем, всею душою, всеми помышлениями и благоговейно и добровольно исполнять Его заповеди; о том, что Он один есть Творец всего видимого и невидимого. Затем он говорил о сотворении первого человека, о заповеди, данной ему,

о нарушении им ее и об осуждении его Создателем за это. Он перечислил те блага, которых лишили себя нарушившие заповедь.

С другой стороны, он говорил о тех скорбях и бедствиях, которые постигли наш род после грехопадения первого человека, и о том, что Создатель, будучи человеколюбив, послал на землю учителей и пророков, возвестивших о воплощении Единородного Его Сына.

Потом говорил о самом пришествии Сына Божия, о Его воплощении, о Его благодеяниях, о чудесах, о крестных Его страданиях, перенесенных Им из-за нас, неблагодарных, о добровольной Его смерти, о нашем восстановлении в прежнем предопределении, о царстве небесном, принимающем в лоно свое праведников, а также о муках, предстоящих неправедным: о вечном огне, о непрестанном мраке, о черве неусыпающем и о другого рода наказаниях, уготованных для рабов греха.

Сказав все это и заключив свою речь нравственным поучением, предписав очищение жизни, презрение к суете ее и изобразив жалкое состояние возлюбивших эту суету, он закончил свои назидания молитвой.

Наконец, заповедав царевичу неотлучное пребывание в православной вере и безупречную жизнь, он, после вторичной молитвы, удалился в свое временное жилище.

По уходе его, царский сын, призвав Зардана, сказал: “Ты слышал, что мне наговорил этот болтун, пытаясь своими пустословиями обмануть меня, отвлечь от этой жизни в радостном веселье и наслаждении и обратиться к чужому Богу?”

Зардан же отвечал: “Для чего ты, мой господин, испытываешь меня, своего слугу? Я знаю, что слова

этого мужа проникли в глубину твоего сердца. Если бы это было не так, то ты бы не беседовал с ним постоянно с таким удовольствием. Мы также слышали это учение. Но с тех пор, как твой отец воздвиг непримиримое гонение на христиан, они удалились отсюда и больше не слышно их проповедей.

Но если тебе нравится это учение и если ты чувствуешь себя способным исполнить его строгие и трудные требования, то желаю тебе счастья и успеха в достижении того, к чему стремится душа твоя. Но что делать мне, не смеющему даже глазом моргнуть из страха перед царем, мне, которому предстоит душевная скорбь и страдания? Ибо что я скажу в свое оправдание твоему отцу, когда он обвинит меня в том, что я небрежно отнесся к его приказаниям и не воспрепятствовал посещениям этого мужа?”

Тогда Иоасаф сказал: “Я думал, что ничем не смогу так вознаградить тебя, твою преданность и верность, как тем, что сделаю тебе известными истинную цель человеческой жизни и Творца, выведу тебя, таким образом, из мрака в свет. Я надеялся, что ты, услышав это, неудержимо захочешь последовать Христову учению, но, как вижу, обманулся в своих ожиданиях. Но если ты выразишь обо всем этом моего отца, то тем самым только причинишь ему горе и заботы. Поэтому, если ты предан ему, то никоим образом не говори ему этого до удобного случая”.

Но пытаясь убедить Зардана, царевич уподоблялся человеку, сеющему на воде, ибо мудрость недоступна глупой душе.

Когда Варлаам на следующий день пришел к царевичу и объявил о своем намерении возвратиться туда, откуда он пришел, тот весьма огорчился и слезы

выступили у него на глазах, ибо разлука со старцем была для него чрезвычайно тяжела.

Поговорив с царевичем довольно долго и убедившись, что он неуклонно пребывает во благом, старец простился с ним с радостным чувством, предсказывая, что скоро они соединятся неразлучно.

Иоасаф не решался более удерживать

старца, боясь, как бы Зардан не донес о нем царю и тем не навлек на него наказания. При этом царевич просил Варлаама оставить ему свое ветхое платье на память о его подвигах. Он отыскал грубое, ветхое рубище и дал его старцу, его же платье оставил себе, и радовался, дорожа им несравненно более, чем царской одеждой.

Испросив для Иоасафа мир и вечное спасение, Варлаам оставил дворец и возвратился в места своих подвигов, радуясь и прославляя Бога, направившего юношу на путь добра.

«ЗАСТАВИМ ЕГО ОТРЕЧЬСЯ»

Иоасаф же, по уходе старца, принялся усердно молиться. Обливаясь горячими слезами, он говорил: “О Господи Боже мой, не оставь меня, поспеши мне на помощь, ибо я бедный сирота, Ты же Помощник всех сирот! Возри на меня и сжался надо мною, так как Ты для всех желаешь спасения и познания истины. Спаси меня и дай силу мне, недостойному, идти путем исполнения святых Твоих заповедей, ибо я немоощен, жалок и неспособен творить добро.

Ты же, могущий спасти меня, подающий жизнь и силу всему видимому и невидимому, не допусти, чтобы я был в порабощении у страстей и похотей плоти, но научи меня исполнять волю Твою и сохрани меня для вечной и блаженной жизни, Отец и Сын и Дух Святой, Единосущное и нераздельное Божество! К Тебе я взываю и Тебя прославляю. Ибо Тебя восхваляет всякая тварь, и прославляют бестелесные, духовные Силы во веки веков. Аминь”.

С того времени царский сын, усердно стараясь сохранить чистоту тела и души, жил во всяком воздержании, целые ночи проводил в прошениях и молитвах. Между тем Зардан, замечая его образ жизни, очень скорбел и терзался заботами, не зная, что ему делать. Наконец, удрученный горем, он удалился в свой дом, сказавшись больным.

Когда царь узнал об этом, то назначил на его место другого верного слугу. Беспокоясь о здоровье Зардана, он послал к нему лучшего врача и вообще проявил по отношению к нему чрезвычайную заботливость.

Посланный к Зардану врач, будучи очень предан царю, внимательно осмотрев своего пациента и

хорошо ознакомившись с его состоянием, доложил царю: “Я не мог найти в этом человеке никаких признаков болезни; поэтому я могу предположить, что уныние — причина его слабости”.

Услышав это, царь подумал, что его сын не расположен к Зардану, вследствие чего тот, огорченный, удалился из дворца. Он известил Зардана, что в ближайший день придет к нему домой, чтобы узнать причину постигшего его недуга. Услышав это, Зардан на рассвете отправился к царю. Придя к нему, он поклонился ему до земли. Царь же ему сказал: “Для чего ты пересилил себя и сам явился ко мне? Я хотел навестить тебя и этим выказать всем мое к тебе расположение”.

Зардан отвечал: “Мой недуг, царь, не подобен обыкновенным людским недугам: от забот и скорби моего сердца и души занемогло и тело мое”.

Когда же царь спросил о причине этого душевного недуга, Зардан сказал: “Я нахожусь в большой опасности и заслуживаю строгого наказания, того, чтобы меня подвергли многим казням, ибо я нерадиво исполнял твое приказание и стал виновником большого для тебя горя”.

Тогда царь снова спросил слугу, какое же тот причинил ему горе. Зардан отвечал: “Я был небрежен в исполнении обязанностей относительно господина моего, твоего сына. Какой-то дурной человек, злой обманщик, пришел к нему и сообщил ему христианское учение”. После этого он подробно передал Авениру все, что старец сказал его сыну, и поведал, с какой радостью тот принял эти слова, всецело став христианином. Наконец, он объявил, что имя этого старца Варлаам.

Царь и раньше слышал о Варлааме, о его строгих подвигах. Узнав же то, что сообщил Зардан, он при-

шел в страшное смятение и отчаяние и исполнился гнева. И призвал Араха, который занимал первую должность после него и был его первым советником во всех тайных совещаниях. Кроме того, он был сведущ в астрологии. Узнав о случившемся, Арах сказал: “Не тревожься и не печалься, царь! Мы еще не потеряли надежды образумить его, и я знаю наверняка, что он очень скоро отречется от заблуждения этого учения и покорится твоей воле”.

Ободрив этими словами царя, Арах предложил следующее: “Прежде всего, царь, поспешим завладеть этим Варлаамом. Если нам удастся это, то я уверен, что мы не обманемся в надежде. Убежденный или словами, или разного рода пытками, он будет утверждать поневоле, что говорил ложь, и этим убедит моего господина, твоего сына, возвратиться к отцовской вере.

Если же этот способ не удастся, то я знаю другого старика, по имени Нахор, который до того похож во всем на Варлаама, что невозможно их различить. Этот Нахор — мой бывший наставник в науках и придерживается нашего образа мыслей.

Я отправлюсь к нему ночью и расскажу ему обо всем подробно. Потом пустим слух, что Варлаам пойман и представим Нахора за него. Нахор, со своей стороны, выдаст себя за Варлаама и приверженца христианства и будет состязаться с приверженцами нашей веры. Потом, после долгого словесного состязания, он будет совершенно побежден. Царский же сын, видя поражение мнимого Варлаама и нашу победу, естественно перейдет на сторону победителей.

При этом нам много поможет его боязнь лишиться наследства царского престола и желание делать угодное тебе. Тут же должен будет обратиться

к нашей вере и мнимый Варлаам и сказать, что признает свою прежнюю веру заблуждением”.

Царь очень обрадовался, слыша такие уверения и питая пустые надежды.

ВЕРЮ ВО ЕДИНОГО ИСТИННОГО БОГА

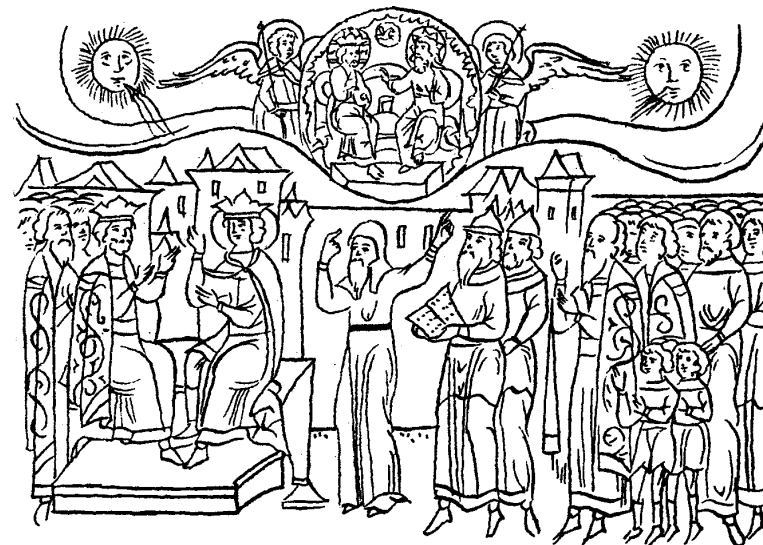
Когда представители идолопоклонников вступили в словесное состязание с Нахором, то тот, подобно Валааму, который во времена царя Валака, предпочел воззвать к Богу Израилеву и начал славословить Его, вдруг стал противоречить бессмысленным мудрецам.

В присутствии всех собравшихся: царя, восседавшего на троне, царевича, сидевшего близ него, множества бессмысленных ораторов, изостривших свои языки, как меч, для сокрушения истины, народа, сошедшегося из чужих стран, чтобы увидеть, какая сторона победит, — самый выдающийся из языческих мудрецов сказал Нахору: “Ты, Варлаам, бесстыдно и дерзко отнесшийся к нашим богам и вовлекший в такой обман дорогого царского сына, научил его служить Распятому?”

Нахор ему возразил: “Я, Варлаам, презираю ваших богов, как ты сказал, но не вовлек в обман царского сына, а, напротив, вывел его из обмана и обратил к Истинному Богу. Твой сын был научен прекрасному и праведному — служить Богу Живому для спасения в будущей жизни. Велико и достойно удивления все, что говорят и делают христиане, ибо они говорят не человеческие слова, а Божеския.

Язычники же блуждают на своем жизненном пути. Ибо тот путь, которым они идут, находится во

мраке, отчего они беспрестанно шатаются, как пьяные. Таково мое слово к тебе, царь, — слово, исходящее из моей души и моего ума под влиянием силы истины! Поэтому пусть твои безумные мудрецы перестанут злословить Господа. Ибо для вас будет великая польза обратиться к Истинному Богу, Творцу всего, и просветиться Его непреложными словами, чтобы избежать осуждения и наказания и сделаться наследниками вечной жизни”.

Когда Нахор высказал все это, царь изменился в лице от гнева; ораторы же и блюстители языческой веры стояли, не издавая ни звука, не будучи в состоянии противоречить. Царский сын возрадовался духом и со светлым лицом прославлял Господа, выведшего так благополучно из затруднительного положения уповавших на Него и давшего даже заблудшему врагу истины силу и возможность говорить и свидетельствовать истину.

Однако царь, хотя был ужасно разгневан на Нахора, не мог сделать ему ничего дурного, так как он перед тем, как дать ему слово, при всех позволил ему говорить бесстрашно за христиан. Тогда он начал сам противоречить ему, потом велел то же самое делать ораторам. Но Нахор разбивал все их положения и заключения и уличал их в обмане и заблуждениях.

Так как прения затянулись почти до вечера, то царь велел собранию разойтись до следующего дня. Но царевич сказал отцу: “Как ты начал справедливо свой суд, господин мой, так и закончи его. И пусть будет одно из двух: или пусть мой учитель останется со мною на эту ночь, чтобы мы вместе могли обсудить все то, о чем завтра нужно будет говорить с нашими противниками, защитников же своей веры ты с той же целью возьми с собою; или же оставь со мною своих на эту ночь, моего же возьми к себе. Если же и мой, и твои будут при тебе, и мой все время будет находиться в печали и страхе, а твои — в радости и спокойствии, то это, по-моему, не будет справедливым судом, но произволом власти, нарушением договора”.

Царь, побежденный справедливостью этих слов, взял защитников своей веры с собою, Нахора же отпустил с сыном, надеясь еще, что он исполнит порученное ему.

После этого царский сын возвратился в свой дворец вместе с Нахором. Оставшись с ним наедине, он сказал ему: “Не думай, что мне неизвестно, кто ты. Я очень хорошо знаю, что ты не божественный Варлаам, а астролог Нахор, и удивляюсь, как это вы решились на такое: обманывать меня среди белого дня. Неужели вы считаете меня настолько близоруким, чтобы я принял волка за овцу.

Верно слово, что тщетны помыслы глупца; и ваше желание и намерение совершенно бессмысленно. Дело же, которое ты совершил, исполнено здравого смысла. Поэтому, радуйся и ликуй, Нахор! Великая тебе благодарность за то, что ты сегодня был сторонником правды и не осквернил своих уст нечестивыми словами, что ты не стал коварно прикидываться, но очистил себя от всего нечистого, уличив заблуждение веры моего отца и доказав истину христианского учения.

Я же постарался увести тебя с собой по двум причинам: чтобы царь не наказал тебя наедине за то, что ты не говорил угодное ему, и чтобы на деле выразить тебе благодарность. В чем же будет заключаться эта благодарность? В том, чтобы вывести тебя с того дурного и скользкого пути, по которому ты шел до сих пор, и направить тебя на путь прямой и спасительный, от которого ты отклонился не по незнанию, ибо сознавал зло избранного тобою пути, полного пропастей и круч.

Одумайся, Нахор! Обратись ко Христу, чтобы наслаждаться будущей, сокровенной жизнью, пренебреги всем этим временным и тленным, ибо ты не будешь жить вечно, так как ты смертен и скоро отправишься туда, куда отошли все твои предшественники. И горе тебе, если ты пойдешь туда, отягощенный множеством прегрешений, ибо там суд справедлив и справедливо воздаяние по делам, и этого воздаяния ты тогда не избежишь, между тем, как теперь дело еще вполне поправимо”.

Нахор, умиленный в душе этими словами, отвечал: “Хорошо ты сказал, царевич! Знаю и я о существовании Истинного Бога, от Которого все произошло, и о будущем Суде. Узнал я это из многих писаний. Но

дурное общество, постоянно хулящее Бога, ослепило мои глаза, и густой мрак поэтому царствовал в моем уме и сердце.

Теперь же, благодаря твоим словам, покрывало спало с моих глаз, и я надеюсь просветиться светом лица Господня. Буду просить Его, чтобы Он сжалился надо мною, внял раскаянию Своего раба и отступника, хотя мне кажется, что трудно получить отпущение прегрешений, по тяжести и по количеству равных песку морскому, содеянных мною до такого возраста и сознательно, и по невежеству”.

Услышав это, царевич с теплым участием начал ободрять упавший дух Нахора и укреплять его в вере во Христа. Потом, помолившись усердно Богу, отпустил его из дворца. И Нахор с быстротою лани побегал в пустыню, к пещере одного монаха, облеченного в священный сан, который скрывался по причине преследования христиан. Нахор припал к его стопам, омывая их слезами, подобно грешнице, пришедшей ко Христу, и умолял дать ему святое Крещение.

Священнослужитель, исполнившись божественной радости, следуя обычаю, тотчас же наставил его в вере, а через несколько дней совершил над ним Крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Нахор остался с ним, раскаиваясь в своих прегрешениях и прославляя Бога, не желающего ничьей гибели, но принимающего милостиво всех обращающихся и кающихся.

Утром, узнав об исчезновении Нахора, царь отчаялся, ибо погибла надежда, которую он имел на него, и, видя, что его мудрецы и ораторы совершенно побеждены, не знал, что ему делать. Осыпав их укорами и предав позору, а некоторых даже телесным наказаниям, он прогнал их от себя.

БОГАТЫЕ ПЛОДЫ

После этого поражения у царя зародились сомнения в могуществе идолов, хотя свет Христов пока еще не воссиял в его душе окончательно, ибо господствовавший в ней мрак заблуждения задерживал первые его проблески.

В то время, когда в душе царя происходила такая борьба, его сын жил в своем дворце, пребывая непоколебимым в истинной вере и проявляя благородство и красоту своей поистине царской души в своих действиях. Его ничуть не интересовали зрелища, конские состязания, охота и другие забавы и заблуждения молодости, увлекающие души глупцов. Он всецело посвятил себя исполнению заповедей Христа и стремился к Нему с неудержимым пылом.

Одного только не хватало ему в этой жизни: свидания со своим учителем Варлаамом. Он запечатлел его слова в своем сердце, старался подражать его жизни и очень желал его видеть. Царственный юноша был подобен дереву, вскормленному при своем насаждении благодатною божественною водою, непрерывно поливаемому и, благодаря этому, принесшему господину своему богатые плоды. Ибо он многие души исторг из власти дьявола и спас их, обратив ко Христу. Многие приходили к нему, чтобы насладиться его спасительным словом, и уходили, приняв истину и освободившись от заблуждения. Некоторые после этого оставляли шумную мирскую жизнь и вступали на путь аскетического подвижничества. Сам же он проводил время в молитве и постах.

Царь, по совету кудесника Февды, пытался отвратить сына от христианства, воспламенив в нем огонь

страстей. Юноша, чистый душою, почувствовал злой умысел и, видя, что наступает борьба с нечистыми помыслами, пришел в смятение. Он стал искать освобождения от угрожающего зла, желая предстать пред Христом с чистой душой, не оскверненной грязью страстей, желая сохранить незапятнанным то святое одеяние, в которое он был облечен в Таинстве св. Крещения.

И тотчас он вспомнил о величии невыразимой славы Христа в том мире, о вечном блаженстве праведных душ и вместе с тем об изгнанных с брачного пира за то, что явились не в брачной одежде, и вверженных в огненную геенну и кромешный мрак. Он пришел в умиление и ударил себя в грудь, как бы изгоняя из себя всякие дурные мысли и чувства.

Потом он встал, воздел руки к небу и, горячо плача и рыдая, призвал на помощь Бога. Помолившись, он почувствовал, что к нему с неба пришло Божественное утешение. Все дурные чувства исчезли, и он до рассвета провел время в молитве. Узнав таким образом, каковы происки диавола, он начал еще более стеснять свою плоть, заставляя себя терпеть голод, жажду и другие лишения. Целые ночи он проводил в стоянии, постоянно напоминая себе о завете, заключенном с Богом, о блаженстве праведных в том мире и огненной геенне, угрожающей нечестивым. Он неутомимо работал над самим собою, чтобы враг не нашел его душу слабой и податливой и не мог легко вселить в нее дурных чувств и нечистых мыслей.

Царь же, снова созвав своих важнейших советников, спрашивал их, как ему поступить с сыном. Одни советовали ему одно, другие — другое, Арах же, самый знатный и рассудительный, сказал: “Как нам следовало, царь, поступить с твоим сыном, так мы и по-

ступили, но не могли склонить его к нашей вере и к поклонению нашим богам. И, как я вижу, все наши попытки здесь будут бесполезны. Ибо, должно быть, сама природа и судьба сделали его таким неумолимым, непоколебимым и неустрашимым.

Если ты захочешь его пытаться или казнить, то ты будешь врагом самому себе и природе, и тогда ты уже не будешь иметь права называть себя отцом. Он же с готовностью пойдет на казнь за имя Христа. Остается одно только средство — отделить ему часть твоего государства и поручить ему правление ею.

Если та же природа вещей и житейские нужды и потребности увлекут его и он снова вступит в сферу нашей жизни, то тогда наша цель достигнута. Ибо окрепшие качества человеческой души гораздо легче устранить убеждением или даже уступкой, чем насилием. Если же он при всем этом все-таки не оставит христианской веры, то уже то самое обстоятельство, что твой сын не наказан, будет тебе некоторым утешением”.

Все присутствовавшие согласились с этим мнением. Согласился и царь. Поэтому, призвав сына, он сказал ему: “Это мое последнее слово к тебе, сын мой! Если ты и в этом случае не послушаешься меня и хотя на этот раз не угодишь мне, то я не стану более тебя щадить”. Когда же царевич спросил, что именно хочет сказать ему царь, тот

ответил: “Потрудившись столько времени над тобою, я вижу, что тебя нельзя ни заставить, ни убедить повиноваться моим словам. Теперь я решил отделить тебе часть государства, которой ты будешь править, и впредь ты можешь безнаказанно избрать себе какой угодно путь”.

Божественная душа юноши тотчас уразумела настоящую цель этого предложения. Но тем не менее он решил принять его, чтобы с развязанными руками вступить на желанный путь. Поэтому он ответил: “Я бы желал отыскать того божественного мужа, который указал мне путь спасения и, простившись со всем мирским, провести с ним остальную жизнь. Но так как ты, отец, не позволяешь мне поступить по своему усмотрению, то я повинуюсь тебе в данном случае. Ибо прекрасно повиноваться отцу в тех случаях, когда это повиновение не влечет за собою гибели и отчуждения от Истинного Бога”.

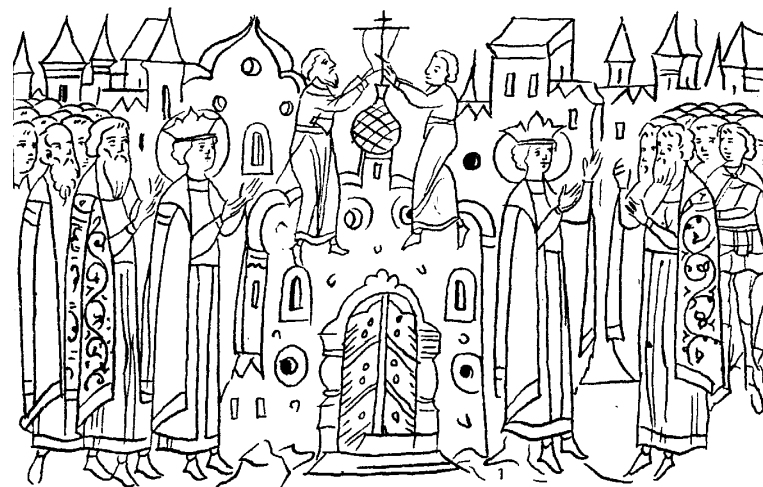
Услышав это, царь исполнился великой радости. Он разделил все свое государство на две части, торжественно назначил сына царем второй части и отправил его туда, надев на него царскую корону и все остальные царские украшения, окружив подобающим царю почетом, дав телохранителей и блестящую свиту: разных сатрапов, военачальников, вель-

мож, правителей. Главным местом пребывания своего сына и царя он назначил большой, многолюдный город.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ

Иосаф, приняв царскую власть и прибыв в главный город, водрузил на каждой городской башне крест, знамение Божественного страдания. Идолы-

ские же храмы и жертвенники он разрушил до основания, не оставив ничего напоминающего о них. Посреди города он воздвиг большой и прекрасный храм Господу Иисусу Христу и повелел народу приходить туда и воздавать почитание Богу через преклонение пред крестом. Сам же он ежедневно усердно молился посреди храма.

Всех, кто находился под его властью, он всячески старался отвлечь от суеверного заблуждения — поклонения идолам — и обратить ко Христу. Он обличал

обман идолопоклонства и возвещал учение Евангелия, говорил о сошествии Слова Божия, о сотворенных Им чудесах, о Его спасительном для нас крестном страдании, Воскресении и Вознесении на небо, а также о страшном дне Его будущего Второго пришествия, о благах, уготованных для праведных, и о наказаниях грешников.

Все это он говорил дельно и кротко, желая обратить народ к христианству не столько силою предоставленной ему царской власти, сколько своим смирением и кротостью. Это-то смиренномудрие и удивительные дела и привлекали к нему сердца всех, и явились могущественными помощниками власти, так что по прошествии немногого времени все подчиненное ему население, и городское, и сельское было просвещено светом его божественных слов и отреклось от заблуждения языческого, от многобожия, оставило жертвоприношения идолам, приняло истинную, непреложную веру, обратилось ко Христу и было удостоено наследования царствия небесного.

Тогда все священнослужители, монашествующие и некоторые епископы, скрывавшиеся по причине гонений в пещерах и горах, покинув свои убежища, с радостью поспешили к нему. Он же, выйдя навстречу, с радостью и почетом принял их, перенесших столько невзгод за Христа, и повел в свой дворец, где омывал их ноги и запыленные волосы и, вообще, всячески прислуживал им.

И тогда была образована Церковь, и архиереем Иоасаф назначил одного епископа, много потерпевшего за веру Христову и лишеного своей епархии, мужа святого, сведущего в церковных правилах и ревностного христианина. Он тотчас повелел приготовить купели и крестить всех, обратившихся ко Хрис-

ту. И были крещены сначала вельможи и правители, потом воинство, потом и остальной народ. При этом крещенные получали не только духовное исцеление, но и исцеление от всех телесных болезней и недугов, и при выходе из купели наслаждались здоровьем, как духовным, так и телесным.

Поэтому к царю Иоасафу отовсюду стекалось множество народа, желая просветиться учением благочестия. Идолов, доселе обожаемых, закопали в землю, богатства же, принесенные им в жертву, были употреблены на построение священных храмов Истинному Богу. На это царь Иоасаф направил все деньги, дорогие одежды и разнообразные сокровища, принадлежавшие языческим храмам, употребив, таким образом, на полезное дело множество доселе позорных вещей.

Когда он успешно окончил дело обращения своих подданных к Истинному Богу, освободив их от господствовавшего над ними обмана и сделав их слугами Искупившего нас от ужасного рабства драгоценною кровью Своею, тогда он обратил все свое внимание на другой вид христианских обязанностей — на творение добрых дел.

Сознавая, что земное богатство непрочно, подобно течению речных вод, он поспешил освободиться от него, начав все свое имущество раздавать бедным и неимущим, не жалея ничего. За даруемое им золото и драгоценные камни он собирал себе другое богатство, которое здесь радуется надеждой на будущее блаженство.

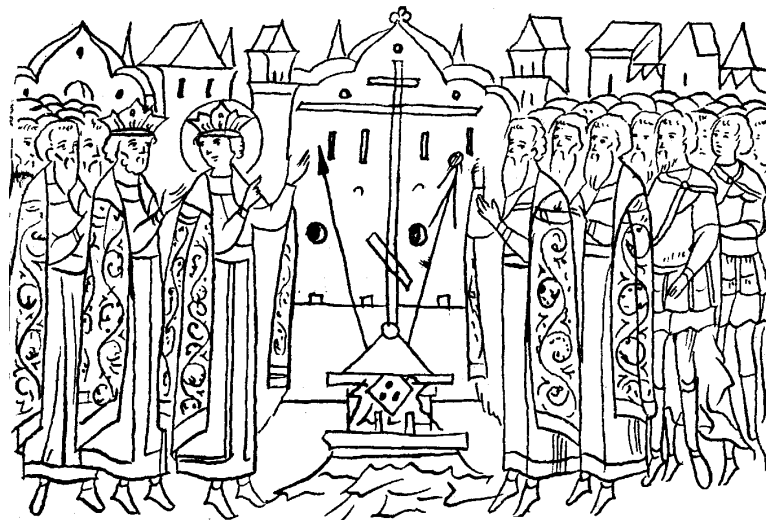
Вскоре слава о нем распространилась повсюду. Не страх и не сила влекли всех в его царство, но истинная сердечная любовь к нему, насажденная в сердцах народа Богом и его личными прекрасными

делами. Мало-помалу большая часть подданных его отца примкнула к нему, выходя из мрака заблуждения и просвещаясь истинным евангельским учением. И дом Иоасафа все возрастал и креп, дом же Авенира слабел и уменьшался.

Видя все это, царь Авенир наконец осознал свое заблуждение и разочаровался в своих ложных богах. Снова созвав совет, он высказал на нем свои мысли. Когда все советники поддержали его, царь решил сообщить о том же своему сыну.

Получив письмо отца, Иоасаф исполнился великой радости и вместе с тем удивления. Помолившись и возымев упование на то, что достигнет желаемого, получив свыше мужество, он в сопровождении царских телохранителей отправился к Авениру. Услышав о прибытии сына, царь вышел ему навстречу, обнял и поцеловал его, и в честь его прибытия устроил всенародный праздник.

Воспользовавшись благоприятным случаем, сын, по милости Христа, одержал полную победу над злы-

ми духами, господствовавшими доселе над душой его отца, освободил его от заблуждения, внушаемого ими, преподал ему совершенно ясно и понятно спасительное слово и обратил к небесному Богу.

Исполнившись великой божественной ревности, царь Авенир сокрушил всех идолов, находившихся во дворце и храмах; сделанных же из золота и серебра он повелел перечеканить в монеты и раздать бедным, употребив с пользой то, что доселе было бесполезно.

Затем отец и сын разрушили до основания все языческие храмы и жертвенники, а на их месте воздвигли священные храмы Богу не только в столице, но и по всей стране. Принимало благочестивую веру и большинство соседних народов.

Тогда упомянутый епископ наставил царя Авенира в догматах веры, после чего крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа. Иоасаф был его восприемником из священной купели,— сын стал родителем отца. Получив от отца телесное рождение, сын сделался главным виновником духовного его возрождения. Царь же Авенир, крестившись водою и Духом Святым, исполнился невыразимой радости.

После царя весь город и все царство его удостоились святого Крещения. И стали сынами света бывшие сыны мрака. С тех пор все были здоровы и телом, и душой, и свыше были посланы чудеса и знамения, еще более утвердившие новообращенных в веру. Повсюду в той стране строились храмы Божии, и епископы, скрывавшиеся ранее, возвращались из своих убежищ и получали епархии. Множество священнослужителей и монашествующих выходили пасти стадо Христово.

Между тем Авенир, оставив свои прежние дурные дела и раскаиваясь в них, передал всю свою царскую

власть сыну. Сам же, удалившись от дел, жил в уединении, в обществе одного вездесущего Бога. Посыпав голову пеплом, он сокрушался о совершенных им прегрешениях и с тяжелыми вздохами и горячими слезами испрашивал себе прощения. Проведя четыре года в раскаянии и слезах, он впал в болезнь, от которой и скончался.

Иоасаф, пролив искренние слезы по отцу, с почестом похоронил его на кладбище благочестивых; но он облек его не в царские одежды, а в одежду кающегося. В продолжение семи дней он молился, не отходя от гробницы, не принимая ни пищи, ни питья, не думая о сне, но проводя все время в слезах и сокрушении. На восьмой же день, возвратившись во дворец, он раздал все богатство и все деньги бедным, так что в той стране не осталось ни одного нуждающегося. Так, за несколько дней он истощил свои со-

кровищницы, не желая, чтобы громада богатства мешала ему пройти через узкие врата, ведущие в царствие небесное.

«Путь, которого я давно желал»

Свершив на сороковой день после смерти отца поминки, он созвал всех сановников, войнство и прочих граждан и объявил о своем отказе от царства, предложив им избрать вместо себя царем христианина Варахию.

Невзирая на всеобщий плач и сетования, он не изменил своего решения. Поздней ночью он составил письмо к народу,— письмо, исполненное мудрости и свидетельствующее о великом благочестии написавшего его. В нем он говорил народу о том, как должно относиться к Богу, как жить, чтобы угодить Ему, как славословить и благодарить Его, и заповедал не избирать себе в цари никого другого, кроме Варахии. Он оставил это письмо в своей спальне и тайно, никого не встретив, вышел из дворца.

Но отсутствие его не могло долго оставаться незамеченным. С рассветом слух о его исчезновении распространился по всему городу и произвел в народе большое смятение. Замышляя разными способами помешать его уходу, все отправились на поиски его. И старания эти не остались бесплодны. Были окружены все дороги, горы и неприступные пропасти, царя же нашли в одном овраге, с простертыми к небу руками, совершающим молитву шестого часа. Увидев его и заливаясь слезами, народ умолял его возвратиться.

Он же отвечал: “Напрасно вы трудились; не надейтесь более иметь меня своим царем”. Уступая их

горячим и неотступным просьбам, он вернулся во дворец и, снова собрав всех, объявил им свое решение и даже подтвердил свои слова клятвой, что не останется с ними более ни одного дня.

“Я,— сказал он,— исполнил свою обязанность по отношению к вам, не пропустил и не скрыл от вас ничего полезного, но все возвестил вам и всему вас научил, проповедуя всем веру в Господа нашего Иисуса Христа и указывая на путь спасения через покаяние. Теперь же я вступаю на путь, которого я давно желал. Никто из вас не увидит более лица моего. Я, подобно апостолу, говорю вам, что *чист от крови всех вас* (Деян. 20, 26), ибо я ничего не скрыл, научая вас исполнять волю Божию”.

Услышав это и видя его твердость, народ зарыдал, оплакивая свое сиротство и не будучи в состоянии уговорить его. Тогда он, указав на Варахия, сказал: “Его, братья, я выбираю для вас царем”. И надев на него, против его воли, царские одежды, корону и царский перстень и став лицом к востоку, Иоасаф начал молиться за царя Варахия. Он молился, чтобы тот сохранил чистой и непреложной веру Божию и неуклонно шел путем, указанным заповедями Христа. Затем он молился о преемнике царя и обо всем народе, прося у Господа им помощи и спасения и исполнения всего, что они попросят, если только это будет для них полезно. После этой молитвы он на глазах всех оставляет дворец.

Тогда, желая помешать его уходу, все последовали за ним и прошли такое расстояние, что город исчез из их глаз. С трудом ему удалось, просьбами и укорами, уговорить их возвратиться. Возвращаясь, они постоянно оборачивались назад и смотрели ему вслед, а некоторые из особенно горячих привержен-

цев продолжали издали следовать за ним и далее. Только наступившая ночь разлучила их.

Между тем Иоасаф радостно удалялся из своего царства и чувство его было подобно чувству человека, возвра-

щающегося после долгого изгнания на свою родину. Снаружи на нем было его обычное платье, под ним — шерстяное рубище, подаренное ему Варлаамом.

Встретив в эту ночь на своем пути хижину одного бедняка, он сбросил с себя верхнее платье и отдал его хозяину, употребив, таким образом, последнее свое имущество на милостыню. Приобретя, благодаря собственным молитвам и молитвам благодетельствованных им бедных, в Боге могущественного Помощника, обретя Его милость и помощь, как одежду спасения и веселия, он вступил на подвиг пустынноческой жизни.

Он напряженно продолжал свой путь, спеша найти то место, где подвизался Варлаам. Питался же он в течение этого времени растениями, которые росли в пустыне. Таким образом, он находил умеренную пищу, хотя и не всегда; воды же он был вовсе лишен, ибо та пустыня была особенно суха и безводна.

Мучимый жаждой, он все-таки продолжал идти дальше. Когда около полудня солнце пекло особенно жарко, его мучения были особенно сильны, но горячее желание побеждало даже природу: жажда послужить Богу подобно росе действовала на жажду воды.

Несмотря на множество разнообразных бедствий, спустя довольно продолжительное время, он достиг пустыни Сенарской, где подвизался Варлаам. Здесь он нашел воду и утолил жгучую жажду. Целых два года скитался Иоасаф по этой пустыне, разыскивая Варлаама и не находя его. Наконец, по милости Божией, он нашел тропу, ведущую в пещеру, в которой жил один пустынный, — эта тропа была протоптана ходившими туда монахами.

Приветствовав его дружески, он рассказал ему о случившемся с ним, о состоянии своей души и расспросил его, как найти жилище Варлаама. Узнав от него желаемое, он поспешил по тому пути, подобно опытному охотнику, идущему по следам преследуемой дичи. Замечая приметы, указанные ему тем старцем, он радостно шел вперед, воодушевляемый надеждой. Его чувство было подобно чувству отрока, надеющегося после долгой разлуки увидеть отца, с той только разницей, что любовь этого подвижника имела Божественное начало, а потому была гораздо сильнее и пламеннее.

Дойдя до пещеры, он остановился у двери и, постучав в нее, произнес: “Благодарствуй, отец, благодарствуй!” Услышав эти слова, Варлаам вышел из пещеры и духом узнал, кто был пришедший, ибо не мог узнать его: настолько Иоасаф изменился внешне с тех пор, как он видел его цветущим молодостью.

И Иоасаф узнал своего духовного отца преимущественно по сохранившемуся выражению глаз. Тогда старец, обратившись к востоку, воздал благодарственную молитву Богу. По окончании молитвы, они произнесли “аминь” и бросились друг к другу в объятия, как бы желая вознаградить себя за долговременную разлуку, удовлетворить испытанное продолжительным временем чувство любви.

Иоасаф прожил с Варлаамом довольно долгое время, проводя образ жизни, превышающий человеческие силы. Он так преуспел на пути подвигов, что ему дивился сам Варлаам, прошедший много лет в пустыне.

Жизнь Варлаама и Иоасафа протекала в доблестном состязании, в подвижничестве, вне всякой земной заботы и всякого волнения, во многих трудах для приобретения истинного благочестия, в невозмутимом спокойствии душевных чувств и мыслей.

Через некоторое время Варлаам отошел в вечное блаженство. Иоасаф, вырыв вблизи пещеры могилу, осторожно перенес туда священные останки своего духовного отца. После этого он до самой смерти проводил истинно ангельский образ жизни, еще более строгий, чем при старце.

Он оставил свое земное царство, чтобы вступить на путь подвига, на двадцать пятом году от роду. Тридцать пять лет он подвизался в пустыне, проводя, подобно бесплотным, жизнь, превышающую обыкновенную способность природы человеческой.

Так подвизавшись, распяв мир для себя и себя для мира, он мирно переселился в мир Божий к всегда желанному возлюбленному Господу. Отдав в Его руки душу свою, он перешел в страну живых, где раздаются звуки празднующих, где жилище радующихся и веселящихся.

По Божественному откровению, подвизавшийся недалеко от него святой муж, тот самый, который указал ему путь к Варлааму, явился в самый момент его смерти. Почтив его священными песнями, пролив над ним слезы, он совершил над ним установленные христианские обряды и положил тело своего собрата по любви и стремлению в гробницу отца его Варлаама, ибо должны были быть вместе тела тех, душам которых предстояло соединиться навеки.

Спустя некоторое время, отшельник, похоронивший Иоасафа, склоненный твердым настоянием некоего мужа, имевшего видение, отправился в Индию к

царю Варахию и сообщил ему все о Варлааме и блаженном Иоасафе. Тогда сам Варахий немедленно прибыл туда с отрядом воинов, нашел пещеру подвижников и осмотрел их могилу. Пролит над нею искренние, горячие слезы, он вскрыл ее и увидел, что тела Варлаама и Иоасафа совершенно не были повреждены, а лица их не изменились, и ощутил приятное благоухание.

Царь повелел положить святыне мощи в почетные гробницы и перенести в свое отечество. Когда на родине Иоасафа стало известно о случившемся, бесчисленное множество народа стеклось из всех городов и окрестностей, чтобы посмотреть и поклониться мощам блаженных. Воспев над ними составленные в честь их священные гимны, окружив их зажженными факелами, их поместили в церкви, воздвигнутой Иоасафом.

Много чудес и исцелений совершил Господь через Своих святых слуг при этом перенесении, а также и в последующие времена. Весь народ и царь видели эти чудеса, силу этих мощей. Тогда многие соседние народы, погруженные в мрак незнания и неверия, уверовали, видя происходившие тут знамения.

Все, слышавшие об ангелоподобных подвигах Иоасафа, о его пламенной любви к Богу, дивились ему, единодушно прославляя Бога, всегда помогающего любящим Его.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВА О БОГЕ

Апостол Павел учит: *Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть* (Евр. 11, 6). Кто хочет достойно служить Богу и благоугождать Ему, тот прежде всего должен верить, что есть Истинный всесовершенный Бог, Творец неба и земли, верховный Владыка всех тварей. Язычники, поклоняющиеся идолам или другое что почитающие за Бога, для того, чтобы получить спасение, должны прежде всего познать Истинного Бога, Его совершенства и дела.

Вам, братия, не нужно доказывать, что есть Бог: вы с детства познали через веру единого Истинного Бога, в трех Лицах прославляемого, Творца неба и земли и Спасителя рода человеческого. Но всем нам должно, как можно чаще, с благоговением размышлять о Боге, о Его совершенствах и делах, свидетельствующих или напоминающих о Нем, чтобы, предаваясь таким размышлениям, мы всегда благоговели перед Ним и старались соблюдать заповеди Его. Поэтому кратко скажу вам, как Бог всегда нам являет Себя в делах Своих.

Смотрите со вниманием на все, что видите около себя, что слышите, что осязаете, на все разнообразные вещи, которые перед вами, вблизи или вдали от вас;

смотрите на землю и на то, что видите на ней, на животных, на поля, на растения, на горы, на долины, на реки, на перемены времени, вечер, утро, ночь, день, на осень, зиму, весну, лето, и размышляйте сами с собою: откуда все сие? Смотрите вверх на небо, на солнце, луну, неисчислимое множество звезд, рассеянных по необъятному пространству небесному и опять спрашивайте: откуда все это? Помысли каждый о самом себе и подумай внимательно: откуда и сам я — человек? Как я произошел? Или, как явился на земле род человеческий? Вас не нужно мало-помалу возводить к последней причине всех тварей: вы знаете, что никакая вещь сама собою не может из небытия прийти в бытие. Знаете, что всякая вещь имеет свою причину: дом не явится без домостроителя; судно не покажется на реке, или корабль на море, если кем-либо не будут построены. Так не было бы и этой земли, которая под нами, и этого неба, которое над нами, не было бы ничего того, что видим на земле и на небе, если бы не было Творца-Бога. Что ни видим мы внизу или вверх, все возвещает нам о Боге-Творце. И малая пылинка проповедует о своем Творце-Боге: ибо никакая сотворенная сила не могла дать ей бытие.

Смотрите на порядок, на благоустройство и красоту земли и неба. Видите, сколько движений, сколько действия, сколько видов жизни! Земля движется, солнце и луна движутся, звезды движутся: и в течение тысячелетий не нарушается порядок их; движущие силы неизменно следуют своим законам. Идут потоки и реки по своим законам; идут ветры и облака, следуя своим законам; идет время, день за утром, ночь за вечером, лето за весною, зима за осенью, год за годом; и сколько протекло веков и тысячелетий от начала мира, следуя такому дивному установленному порядку!

Смотрите на множество и разнородность живых существ, населяющих землю, на виды животных, обитающих в домах, на полях, в лесах, летающих по воздуху, живущих под землей, плавающих в воде. Рассмотрите образ их рождения, воспитания, самосохранения, преинства. Везде видно разнообразие сил, законов, соразмерность средств и целей, постоянство предначертанного порядка. Смотрите с размышлением на растения, на их множество, разнообразие, удивительную красоту лесов, полей, покрытых разнообразными цветущими злаками, на разнообразное устройство каждого дерева, каждого злака, каждого цветка, каждого семенного зерна. Величие созданий, бесчисленное множество и разнообразие их, могущество сил, постоянство законов, довольство средств к достижению целей, согласие разнообразного множества тварей между собою и к составлению целого мира, неизобразимая стройность и красота, как в великих и малых частях, так и в целом — все это неумолчно проповедует нам о всемогущем, премудром и всеблагом Боге. Везде слышится глас творения, возвецающий о великом Творце и Правителе всего мира. *Небеса поведают славу Божию*, говорит Псалмопевец, — *и о творении рук Его возвецает твердь* (Пс. 18, 2). Праведный Иов говорит: *спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землей, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не узнает, что рука Господня сотворила сие? В Его руке душа всего живущего* (Иов. 12, 7-10). И животные четвероногие, и птицы небесные, и рыбы морские — все своим множеством, премудрым устройством и бытием, как и вся земля со всем ее разнообразием и красотой своих произведений всегда поучают нас о своем всеильном, премудром и всеблагом Создателе — Боге,

ибо Его всемогущая сила все это создала, Его премудрость так все прекрасно устроила, Его отеческая благость каждому живому существу дарует жизнь и все необходимое для сохранения и продолжения жизни.

И сам человек своею дивною природою громко возвецает о Боге. Смотри каждый на себя и на других, и внимай голосу собственной природы. Человек и по телу создан отличным от неразумных животных: лицо его, открытое к небу, показывает, что он должен помышлять о небе и туда стремиться душою, как в свое отечество. Неразумные животные, удовлетворяя потребностям земной жизни, бывают довольны и не ищут ничего высшего; а человек не может быть удовлетворен никакими внешними и временными благами. Ум его стремится к познанию Бога, как первого начала и последнего источника своего счастья и блаженства; воля его ищет исполнения святейшей воли Божией, как верховного закона всех тварей. Человек, как разумное творение, своею природою свидетельствует, что и Творец его, — Дух совершеннейший, всеведущий, премудрый, святой, благий и блаженный, ибо начатки этих совершенств есть и в душе человека; и внимая высшим стремлениям своей души, человек ищет усовершенствования сих начатков. Какие совершенства имеет творение в ограниченной степени, те совершенства должны быть в Творце, как первом подателе сотворенных совершенств в беспредельной степени и полноте.

Кроме того, что всегда мы видим свидетельства о Боге в делах Божиих и в собственной нашей природе, Бог, по беспредельной благости Своей, от начала мира благоволил являть Себя людям через откровения. Адаму и Еве открывал Он Свою волю и дал им заповедь; обличил их за нарушение сей заповеди, но в то

же время и утешил их, дав обетование о Спасителе мира; обличил нечестивого Каина, когда он убил брата своего Авеля; явил особенное благоволение к благочестивому патриарху Еноху, взяв его с телом на небо; открывал Свою волю Ною, и через него вразумлял современников его, которых истребил потопом за нечестие их, а Ноя с семейством спас в ковчеге. После потопа, многократно Бог являлся избранным патриархам: Аврааму, Исааку, Иакову; руководил их в трудных обстоятельствах жизни, повторял им обетования о Своем покровительстве потомству их и о даровании, в потомстве их, обещанного Спасителя мира. Многократно повторял Бог Свои откровения через пророков: Моисея, Давида, Исаию, Иеремию, Иезекииля, Даниила и многих других; и наконец, Бог глаголял в *Своем Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил* (Евр. 1, 1. 2), как учит апостол Павел.

Так от начала мира Сам Бог благоволил открывать Свою волю человекам через избранных мужей для того, чтобы ведение о Нем не оскудевало между людьми. Патриархи передавали откровения и наставления Божии своим потомкам; пророки как возвещали волю Божию избранному народу еврейскому, так нередко посылаемы были и к другим народам. Избранный народ, по устройению Божеского Промысла, обитал в середине многолюдных народов; часто наказываемый за грехи свои, подвергался рабству иноплемennых врагов, и сыны Израиля отводимы были пленниками в отдаленные страны: таким образом истинное ведение о едином Истинном Боге распространялось между разными народами.

Но когда люди, предаваясь порокам, беспечности и нераскаянности, мало-помалу теряли ведение о еди-

ном Истинном Боге, тогда, погруженные во мрак неведения, не могли уже сами собою снова достигнуть познания об Истинном Боге; в то же время чувствуя сильную потребность своей духовной природы слушать Бога, они решились лучше почитать разные твари за Бога, нежели оставлять без всякого удовлетворения высшую потребность своей души. Отселе произошли все виды языческих суеверий: поклонение солнцу, луне, звездам, древним знаменитым мужам, которым давали названия богов, разным животным, силам природы. Блуждающих в таком мраке неведения и донныне еще много в разных странах мира. Этому причинею грехи человеческие, как пишет апостол: *Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся* (Рим. 1, 21-23).

Только крайняя греховная слепота может скрыть от человека Бога, Творца всех тварей и самого человека. Но эта слепота так неестественна человеку, так противна природе нашего духа, что слово Божие называет того безумным, кто осмеливается говорить, что нет Бога: *Безумный сказал в сердце своем: "Нет Бога"* (Пс. 13, 1). Кто отвергает бытие Божие, тот произвольно лишает себя здравого рассуждения и блуждает в темноте невежества или суемудрия. Для него все делается неясным и непонятным; не может он здраво решать необходимые вопросы человеческого разума: откуда этот мир? Откуда такой дивный порядок и такая красота? Как это все произошло и как держится в таком постоянном благоустройстве? И откуда сам человек? Что значат его душевные желания

или потребности, ничем земным неудовлетворяемые, его стремление к познанию истины, чувство, ненасытимое никакими внешними благами, невольное уважение к закону долга, довольство исполнением его и раскаяние при нарушении долга, или чувство недовольства собою? Но как, напротив, все это удобно и ясно для нас, верующих в Истинного Бога! Бог есть Творец этого мира и всего, что видим в нем; Он правит миром; Он Своим непрерывным, всемогущим, премудрым и преблагим попечением все содержит в таком порядке и красоте. Он, при самом создании человека, вложил в существо его разумную душу, всегда жаждущую познавать своего Творца и Бога, любить Его всеми силами, как величайшего благодетеля, и исполнять святой закон Его. Как детям естественно любить своих родителей, своих первых на земле благодетелей, от которых они получили и жизнь, и воспитание, так естественно человеку любить Бога, своего Творца, верховного Попечителя, от Которого получаем все: *ибо мы Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17, 28).

Помните, братия, и размышляйте, сколько благий Бог даровал нам свидетельств о Самом Себе! И земля, и небо, и все разнообразие созданий, видимых нами, все проповедует нам о своем и нашем Создателе. Неисчислимо множество сил, действующих в природе, множество законов, их постоянство, также порядок, целесообразность, согласие и красота, всегда представляющая нашим взорам в этом видимом мире,— все это непрестанно напоминает нам о Боге, Творце и Промыслителе всего мира. И собственная наша природа: голос разума, голос совести, голос чувства, ничем земным неудовлетворяемый, и особенное Божие попечение о человеке, являемое в сверхъесте-

ственных откровениях, также всегда возвещают нам о Боге, Творце и Правителе всего мира.

Родители! Чаще говорите своим детям о делах Божиих. С ранних лет учите их размышлять о Боге, Отце Небесном. Сказывайте им, что и земля, и небо, и мы сами созданы Богом; что Бог дает день и ночь, лето и зиму, что Бог велит восходить солнцу в свое время и идти дождям; Бог посылает снег и град, ветры и бури; Бог дает пищу и питье, и все благопотребное для нас, и хранит нашу жизнь во всякое время. Сказывайте им, что Бог, являя славу Свою, и делами Своими, которые видим мы, и словом Своим, которое возвещает нам Святая Церковь, всегда призывает нас к Себе, чтобы мы, для собственного нашего счастья и блаженства, познавали Его, любили Его более всего и прославляли Его всеми своими делами. Ему, Богу нашему, Творцу и Промыслителю неба и земли и всего мира, слава и благодарение и поклонение ныне и во веки веков. Аминь.

Евсевий, архиепископ Могилевский

Возлюбим Господа по мере сил своих... отдадим все из любви к Нему: и душу, и имущество, и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая это полезным для Него, но для нас самих. Таков закон любви: любящие считают счастьем страдания за любимых.

Святитель Иоанн Златоуст

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение царевича Иоасафа	3
«Как избежать смерти»	7
Благая весть	13
Святое Крещение и прощание с Варлаамом	22
«Заставим его отречься»	29
Верую во единого Истинного Бога	32
Богатые плоды	37
Добрый Царь	41
«Путь, которого я давно желал»	47
Приложение. Свидетельства о Боге	54

Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, строго соблюдая авторские права других издательств и авторов, считает, однако, неуместным понятие авторского права в издании православных книг, т. к. авторство слова Божия принадлежит Богу. По традиции не принято подписывать православные иконы, т. к. их автор — Святой Дух. Летописцы и многие древние духовные писатели по смирению скрывали свои имена. Мы будем рады любым перепечаткам книг нашего издательства, кроме особо оговоренных, авторы которых против переиздания без их согласия. Если какую-либо книгу нашего издательства перепечатают, это будет свидетельствовать только о том, что книга хорошая и нужна людям.